

на правах рукописи

Григорьев Сергей Львович

Религиозные взгляды и религиозная политика Павла I

07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2004

Работа выполнена на кафедре Отечественной истории
Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, доцент В. А. ЛЯПИН

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Н. П. ПАРФЕНТЬЕВ;

кандидат исторических наук, доцент И. В. ПОБЕРЕЖНИКОВ

Ведущее учреждение:

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Защита диссертации состоится «____» _____ 2004 г.

в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.04

по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора

исторических наук при Уральском государственном университете им. А. М. Горького,

по адресу: 620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Автореферат разослан «____» _____ 2004 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор исторических наук, профессор

В. А. Кузьмин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется важностью изучения истории взаимоотношений Российского государства с Русской православной церковью и другими конфессиями. Данная тема также представляет интерес для исторических, историко-юридических и историко-церковных исследований.

Рассмотрение религиозных взглядов Павла способствует более полному пониманию духовной жизни русского общества рубежа XVIII-XIX вв., так как религиозное мировоззрение императора формировалось в непосредственной связи с религиозно-философскими представлениями и исканиями того времени.

Личность и мировоззрение Павла I сформировались задолго до восшествия на престол. Без рассмотрения православных традиций воспитания Павла, являющихся основой его религиозных взглядов, которые формировались в этот период, без рассмотрения религиозно-философских установок личности императора, невозможно понять и оценить религиозную политику императора.

Обращение к павловской эпохе важно с точки зрения понимания современного места религии в обществе. Здесь несомненный интерес вызывает проект Павла I о соединении христианских церквей, который может рассматриваться как один из вариантов решения проблемы многоконфессиональности, исторически сложившейся на территории Российской империи, а также как предтеча современных экуменистических идей.

Объектом исследования являются религиозные взгляды и религиозная политика Павла I, взятые во взаимосвязи.

Предмет исследования составляют конкретные мероприятия религиозной политики Павла, при этом система религиозных взглядов выступает как наиболее значимый фактор этих политических мер. К факторам, оказавшим влияние, как на формирование мировоззрения императора, так и на его политические приоритеты, а также на курс во внутренней и внешней политике, относятся: православие и положение православного духовенства при Павле, католицизм и течения внутри его.

Хронологические рамки определяются годами жизни императора Павла I (1754 – 1801 гг.), что обусловлено тем, что формирование религиозных взглядов императора началось задолго до его вступления на престол. Осуществление религиозной политики, естественно, пришлось на период недолгого правления Павла Петровича.

Историография. Религиозный аспект в большей, либо меньшей степени затрагивается во всех работах посвященных жизни и царствованию Павла I, а, следовательно, анализ степени изученности темы включает в себя рассмотрение основных проблем историографии царствования Павла I в целом. Приступая к характеристике работ, необходимо систематизировать их по хронологии и по степени охвата данной проблематики.

Вплоть до начала XX векаистики касались событий конца столетия лишь «попутно», изучая финансовую политику самодержавия, военную историю России, сословную политику царизма, ряд других вопросов, а также в общих курсах истории страны. Также «попутно» рассматривались и вопросы религиозной политики Павла.

Увеличение количества работ, посвященных Павлу, происходит в конце 60-х – начале 80-х гг. XIX века, когда вводятся в научный оборот новые источники, опубликованные в историко-литературных журналах «Русский Архив», «Русская старина» и других изданиях. Центр внимания исследователей смещается с личности императора на оценку внешней и внутренней политики.

Отдельно заслуживают упоминания работы, написанные исследователями эпохи Павла XIX – начала XX вв., среди которых стоит назвать историка Н. К. Шильдера,¹ немецких историков Т. Шимана² и А. Брикнера³, историка начала XX века А. А. Корнилова.⁴ Эти авторы в целом дали правлению и личности Павла негативную оценку, и, не занимаясь подробно вопросами религиозной политики императора, отдельные ее элементы оценивали отрицательно. Их оппонентами на тот период были, прежде всего, Е. С. Шумигорский⁵, М. В. Ключков⁶, генерал-фельдмаршал Д. А. Милютин⁷, а также Д. Ф. Кобеко⁸.

В работах этих авторов отношение Павла I к религии и церкви рассматривается фрагментарно, попутно с характеристикой тех или иных событий внешней или внутренней политики периода.

В целом к XX веку у историков не сложилось сколько-нибудь целостной картины религиозной политики Павла. Более того, наличие у него концептуальной основы политических мер подавляющим большинством авторов вообще отрицалось. Это было связано с общей тенденцией противопоставления царствования Павла I времени Екатерины II. Дореволюционная историография упустила из внимания вопрос о закономерности, своевременности и значимости павловских преобразований для решения наиболее актуальных задач, вставших перед российской монархией в конце XVIII века.

Попытки объяснить повороты во внутренней политике только особенностью личности императора привели к преувеличению влияния характера Павла на деятельность его правительства, препятствовали раскрытию сложности и диалектичности преобразований.

Особое значение для серьезного переосмысления взглядов на политику Павла I имела точка зрения В. О. Ключевского, который, подчеркивает положительные стороны правления Павла. Характеризуя мотивы преобразований, Ключевский отмечает, что осуществлявшиеся на рубеже XVIII—XIX вв. планы возникали «из недобрых источников, либо из превратного политического понимания, либо из личных мотивов».⁹

В XIX – начале XX вв. вопросы религиозных взглядов и религиозной политики Павла рассматриваются в работах, посвященных истории религии в России. Выходят работы М. Морошкина¹⁰ и И. Знаменского¹¹ о положении православного и католического духовенства во второй половине XVIII века и отношении к нему самодержавия, дается анализ религиозной политики Павла I.

Оба автора отмечают заботу императора, в противоположность его матери, об улучшении материального положения духовенства, которую объясняют глубокой религиозностью царя. Однако некритическое использование источников мемуарного характера в определенной мере снижает научную значимость этих работ, т. к. авторы

¹ Шильдер Н. К. Император Павел Первый. Историко-библиографический очерк. – М., 1996.

² Шиман Т. К истории царствования Павла I и Николая I. – Изд. 2-е. – Берлин, 1906.

³ Брикнер А. Г. Смерть Павла I. – СПб., 1907.

⁴ Корнилов А. А. Павел I: Курс истории России XIX в.: [прочит. в 1909-1910 гг.] // Родина. – 1990. – № 8. – С. 68-74.

⁵ Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. – СПб., 1907.

⁶ Ключков М. В. Очерки правительственной деятельности времён Павла I. – Пг., 1916.

⁷ Милютин Д. А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. В 2 т. Т. 1. – Изд. 2ое. – СПб., 1857.

⁸ Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754-1796). – СПб., 1882.

⁹ Там же – С. 539

¹⁰ Морошкин М. Иезуиты в России с царствования Екатерины II до нашего времени. – СПб., 1867-1870. – Ч. 1-2.

¹¹ Знаменский И. Положение духовенства при Екатерине II и Павле I. – СПб., 1880.

тяготеют к механическому воспроизведению отзывов современников и не могут преодолеть их субъективизма в оценках событий конца XVIII века.

В XIX – начале XX вв. выходят работы посвященные истории не только официальной православной церкви, также рассматриваются и вопросы истории иных религиозных и религиозно-философских направлений. Некоторые авторы затрагивают положение таких течений и направлений в павловскую эпоху. В этой связи следует упомянуть работу В. Г. Сенатова.¹

Эта работа интересна, прежде всего, тем, что автор рассматривает политику Павла I в отношении старообрядцев не только как целостную систему мероприятий, но и включает её в контекст истории взаимоотношений государства и старообрядчества в целом.

Более серьёзные и глубокие работы в этот же период на данную тему принадлежат И. Нильскому.² В советской историографии разработкой темы взаимоотношений власти со старообрядцами занимались А. И. Клибанов³, В. Ф. Миловидов.⁴

Отдельного обзора требуют исследования досоветского периода, затрагивающие вопросы взаимоотношений Павла с Мальтийским орденом. Особо необходимо отметить работу А. Лабзина,⁵ эта книга дает не только богатейший и разнообразный материал по истории этого рыцарского ордена, но и позволяет лучше понять восприятие самим императором рыцарских идей. Частично проблемы масонства при дворе Павла I касается М. Морошкин в упомянутой выше работе, оценивающий влияние масонских идей и западноевропейских масонских организаций на Павла I крайне негативно. М. Морошкин считает, что масоны лишь использовали императора в своих политических играх, а о влиянии масонских идей на мировоззрение Павла вообще не упоминается.

Несмотря на отсутствие на рубеже XIX-XX вв. обстоятельного труда о влиянии масонских идей на религиозные взгляды и религиозную политику Павла I, происходит более глубокое изучение вопросов становления, развития масонской идеологии и организаций в России в работах Я. Л. Барскова⁶, Беренса,⁷ Т. О. Соколовской,⁸ М. Н. Лонгинова.⁹

Следующий период в изучении павловской эпохи, период 1920-50-х гг. Историки этого периода подходили к осмыслению политики императора с ярко выраженных классовых позиций. В работах М. Н. Покровского¹⁰, В. И. Самойлова¹¹ и С. Б. Окуня¹² время Павла вписывается в общий ход русской истории как продолжение продворянской политики самодержавия. Проявляя большой интерес к рассмотрению классовой политики, в частности изучению крестьянских волнений в царствование Павла I, религиозную политику авторы не рассматривали. Можно отметить лишь отдельные упоминания о положении православной церкви в этот период. Особо следует упомянуть большое

¹ Сенатов В. Г. Философия истории старообрядчества. – М., 1995.

² Нильский И. Семейная жизнь в русском расколе. Исторический очерк раскольнического учения о браке. – СПб., 1869.

³ Клибанов А. И. Из мира религиозного сектантства. Встречи. Беседы. Наблюдения. – М., 1974.

⁴ Миловидов В. Ф. Современное старообрядчество. – М., 1979.

⁵ Лабзин А. История ордена св. Иоанна Иерусалимского. – СПб., 1799.

⁶ Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. – Пг., 1915.

⁷ Беренс Масонство или великое царственное искусство братства вольных каменщиков. – СПб., 1911.

⁸ Соколовская Т. О. Два портрета императора Павла I с масонскими эмблемами // Русская старина. – 1908. – № 10. – С. 81-92.

⁹ Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. – СПб., 2000.

¹⁰ Покровский М. Русская история в самом сжатом очерке. – М., 1921. – Ч. 1-2.

¹¹ Самойлов В. И. Внутренняя и внешняя политика Павла I (1796-1801). Учеб. пособие. – Пос. Хлебниково, 1946.

¹² Окунь С. Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII – перв. четв. XIX вв. – Л., 1956.

количество фактического материала, содержащееся в работе С. Б. Окуня. Однако, вопросы собственно религиозной политики в работах этого периода совершенно не затрагиваются.

В 1920-50-е годы рассмотрение религиозного аспекта политической деятельности Павла I происходит также в трудах ученых русского зарубежья.

Следует особо упомянуть работы Г. В. Вернадского,¹ который рассматривал религиозную политику Павла как составляющую не политики правления Павла, а часть религиозной политики российских императоров вообще. Особо интересны взгляды Г. В. Вернадского на проблему «соединения церквей». Он, рассматривая эту идею Павла I в контексте конкретной исторической действительности, показывает, что решить столь важную задачу путем чисто формальным, юридическим, через заключение договора, невозможно, поскольку к благим намерениям неизбежно примешиваются корыстные интересы и мирские разногласия правителей и иерархов. В итоге попытка объединения обращается в очередную политическую интригу, лишь усугубляющую взаимное недоверие. Исследователь предостерегает от бесконечного повторения давних исторических ошибок.

В работе «Начертание русской истории» Г. В. Вернадский² указывает, в частности, что в виде протеста против рационалистических взглядов Екатерины Павел развил в себе взгляды на мистическую и религиозную составляющую государственной власти. Так, утоляя духовную жажду не из церковного, а из внецерковного источника, Павел пришел к выводам о ценности также и церковной религиозности, причем, однако, он склонен был делать мало различия между православием и латинством. Таким образом, Павел пришел к той же точке зрения, что в свое время и Петр I, - то есть к мысли о власти императора над церковью, только при этом Петр и Павел исходили из различных оснований: Петр мало ценил обрядовую сторону церкви и стремился к секуляризации государства: Павел, наоборот, высоко ставил мистическую сторону религии и стремился к оцерковлению государства. Этим путем он пришел к формуле о том, что государь есть глава церкви.

Более серьезному осмыслению вопроса о взаимоотношениях государственной власти и церкви в России посвящена работа И. А. Ильина,³ которая представляет особый интерес при рассмотрении религиозно-философских истоков идеологии Павла в вопросе «государь и церковь». И. А. Ильин рассматривает механизмы взаимоотношений церкви и государства в России, отмечая особый нравственный характер русской религиозности, а также свойственное русскому православию умение охранять свободу веры своей и чужой, говорит о развивающейся на всем протяжении русской истории идее противостояния злу свойственной православии. Он полагает, что в борьбе со злом церкви возможно и даже необходимо полагаться на государственную машину.

Интерес к императору Павлу заметно возрос в конце 1970-х гг., а принципиально новые оценки некоторых аспектов внутренней и внешней политики Павла I содержатся в работах, изданных в 1980-х – 1990-х гг.

Дальнейшее развитие благодаря большому фактическому материалу, введенному в исторический оборот, в этот период получила тема «Павел I и Мальтийский орден» в работах П. В. Перминова,⁴ Е. А. Погосьяна.⁵

Новый этап изучения павловской эпохи начался с работы Н. Я. Эйдельмана, «Грань веков»,¹ в которой автор дал принципиально новую и глубоко продуманную оценку

¹ Вернадский Г. В. Московское царство. В 2 т. Т. II. – М., – 2000.

² Вернадский Г. В. Начертание русской истории. – СПб., 2000.

³ Ильин И. А. О православии и католичестве // Собр. соч. – М., 1993. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 388-391

⁴ Перминов П. В. Под сенью восьмиконечного креста: [Мальтийск. орден и его связи с Россией]. – М.: Международные отн-ия, 1991.

⁵ Погосьян Е. А. К проблеме мальтийской символики в русской культуре периода царствования Павла I // Учен. зап. Тарт. ун-та – 1990. – № 1. – С 3-18.

царствованию Павла I. Н. Я. Эйдельман, указывая в качестве первопричин на личные качества и политические притязания Павла, видит в нем самостоятельного творца концепции власти, причем такой концепции, которая исходит в большей степени из практических нужд этой власти, а не религиозно-философских исканий. В целом, подробно рассматривая павловское правление, Н. Я. Эйдельман упоминает о религиозных взглядах Павла лишь вскользь.

Концептуально новый, целостный подход к изучению политики Павла I можно проследить у таких историков, как Ю. А. Сорокин,² М. М. Сафонов,³ В. Тюрин,⁴ Г. И. Чулков,⁵ Г. Л. Оболенский.⁶ Вместе с тем, можно говорить лишь о новых подходах к оценке политики Павла I в работах этих исследователей, которые впоследствии будут использованы и в рассмотрении религиозно-политических вопросов. Затрагивая различные политические аспекты, вопросам религиозной политики и, тем более, формированию мировоззрения императора вышеназванные авторы уделяют крайне мало внимания.

Особое значение для рассмотрения внутренней политики Павла, в частности её религиозных аспектов, имеет точка зрения А. Б. Каменского, высказываемая им в работах «Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация» и «От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (Опыт целостного анализа)»,⁷ где автор рассматривает правление Павла I в русле общих модернизационных процессов XVIII века, отмечая особую в это правление «опору на русскую традицию, государственного насилия и принуждения». Оценивая правление Павла, А. Б. Каменский не отрицает реформаторского характера политики императора, однако, рассматривает их в русле общих модернизационных процессов и оценивает реформаторский потенциал Павла не слишком высоко. Подчёркиваемое А. Б. Каменским особое стремление Павла к традиционности в отношениях между государем и народом, государем и церковью и другим формам традиционности особым образом, по мнению автора, проявилось в религиозной политике Павла.

В настоящее время изучение различных аспектов религиозных взглядов и религиозной политики получило новое развитие в работах Ю. А. Сорокина,⁸ М. М. Сафонова,⁹ А. В. Скоробогатова,¹⁰ Л. В. Хайкиной.¹¹

В работах этих исследователей вопросы формирования религиозных взглядов рассмотрены более детально, чем в работах предыдущих периодов. Отмечается нетрадиционность взглядов этого монарха на духовный авторитет светской власти, подробно рассматриваются притязания императора на роль главы Вселенской церкви, взаимоотношения с католической церковью.

¹ Эйдельман Н. Я. Грань веков: полит. борьба в России, конец XVIII – нач. XIX ст. – М., 1982.

² Сорокин Ю. А. Павел I: [Ист. очерк] // Вопр. истории. – 1989. – № 11. – С. 46-69.

³ Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII- XIX вв. // АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ие. – Л., 1988.

⁴ Тюрин В. Бедный Павел: [О судьбе императора Павла I] // Знание-сила. – 1992. – № 3. – С. 82-94.

⁵ Чулков Г. И. Императоры. Психологические портреты. – М., 1991.

⁶ Оболенский Г. Л. Император Павел I. – Смоленск, 1996.

⁷ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (Опыт целостного анализа). – М., 2001.

⁸ Сорокин Ю. А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII века // Отв. ред. Толочко А. П. – Омск, 1999.

⁹ Сафонов М. М. Павел I и его время (Проблема реформ в правительственной политике России в конце XVIII в.) // Император Павел I и Орден Св. Иоанна Иерусалимского в России. – СПб., 1996.

¹⁰ Скоробогатов А. В. Павел Первый в российской исторической литературе. – Казань, 1999.

¹¹ Хайкина Л. В. Михайловский замок и некоторые аспекты религиозно-философских воззрений Павла I // Отечественная история. – М., 2000. – № 2.

Ю. А. Сорокин в своей монографии «Павел I: личность и судьба»¹ рассматривая эпоху царствования сына Екатерины II как закономерный этап развития российского абсолютизма, отмечает, что для понимания попыток реализации основных проблем этого непродолжительно царствования необходимо учитывать «контекст личности этого монарха».

Л. В. Хайкина в статье «Михайловский замок и некоторые аспекты религиозно-философских воззрений Павла I»² подробно рассматривает влияние традиционной православной традиции взаимоотношений церкви и государства на формирование религиозных взглядов Павла.

Ряд публикаций последних лет А. В. Скоробогатова,³ посвящённых различным аспектам правления Павла I, представляют политику, в том числе и религиозную, как важнейшую составляющую формирующейся государственности идеологии Российской империи.

В целом можно отметить, что современные историки, несмотря на более глубокие исследования и привлечение более обширного документального материала, не сформировали какие-либо общие концептуальные подходы в оценках правления императора Павла Петровича, а тем более, на проводимую им религиозную политику.

Цель исследования заключается в выявлении конкретных механизмов религиозной политики Павла I на основе комплексного тематико-хронологического исследования.

Данная цель достигается путем решения ряда конкретных задач:

1. Анализа системы религиозного мировоззрения Павла;
2. Установления возможности взаимосвязи законотворческой деятельности в отношении религии и духовенства с религиозными взглядами Павла;
3. Установления возможности зависимости религиозной политики Павла от общего направления его реформаторской деятельности;
4. Рассмотрения религиозной политики как одного из элементов социальной политики;
5. Определения эффективности политических мероприятий в отношении различных религиозных конфессий, таких как: православие и католицизм, и религиозных течений, таких как: униатство и старообрядчество.

Источниковая база. Достижение цели и решение задач исследования, указанных выше, должно опираться на свидетельства исторического источника. В основу диссертации было положено значительное количество опубликованного (А) и неопубликованного (Б) источникового материала, систематизированного в соответствии с его происхождением и характером содержащейся в нём информации.

А) Опубликованные источники можно подразделить на следующие группы:

1. Законодательные источники, к которым относятся указы, циркуляры. Законодательные акты, выдержки из которых или ссылки на которые содержатся в настоящем исследовании, были взяты из «Полного собрания законов Российской империи».⁴

¹ Сорокин Ю. А. Павел I. Личность и судьба. – Омск, 1996.

² Хайкина Л. В. Михайловский замок и некоторые аспекты религиозно-философских воззрений Павла I // Отечественная история. – М., 2000. – № 2.

³ Скоробогатов А. В. Образ идеального государства в политической доктрине Павла I: философский век. – СПб., 2000. – № 12. – С. 60-73.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. XVII. – № 12 483; Т. XXI. – № 15 473; Т. XXIV. – № 17 530, № 17 636, № 17 675, № 17 769, № 17 809, № 17 906, № 17 908, № 17 909, № 17 910, № 17 925, № 18 249; Т. XXV. – № 18 278, № 18 316, № 18 323, № 18 467, № 18 504, № 18 650, № 18 726, № 18 733,

Изучение источникового комплекса данной группы позволило реконструировать сложный процесс правотворческой деятельности правительства и Синода. Эта категория источников позволяет детально рассмотреть комплекс политических мероприятий, получивших законодательное оформление.

С помощью этих материалов можно определить основные черты законодательства в области религиозной политики.

2. Богатый материал по исследуемой работе содержится в документах, опубликованных в печати. Прежде всего, это документы, опубликованные в журнале «Русский Архив» в период с 1881 по 1887 гг. Это «Наставление императрицы Елизаветы Петровны графу Н. И. Панину о воспитании Великого Князя Павла Петровича»,¹ текст «Катехизиса»,² составленного для Великого Князя Павла Петровича графом Н. И. Паниным. Кроме того, тексты писем Великого Князя, а затем и императора Павла Петровича к московскому митрополиту Платону, подготовленные к печати протоиреем Смирновым.³ Тексты писем позволяют проследить изменения взаимоотношений Павла I с митрополитом Платоном в период с 1764 по 1800 гг.

3. При написании диссертации была изучена и использована мемуарная литература, позволяющая более подробно проследить формирование религиозных взглядов великого князя Павла Петровича и оценку современниками некоторых политических мероприятий императора.

Весь комплекс мемуаров можно разделить на две группы: авторы, которые оценивают деятельность императора резко отрицательно или определённо положительно. Негативную оценку Павлу дают люди, либо попавшие в опалу с приходом его к власти, это Н. П. Панин, А. Н. Вельяминов-Зернов,⁴ С. Р. Воронцов, братья Зубовы и другие, либо испытывавшие постоянный страх перед возможной опалой, впрочем, часто не без причин, это П. А. Пален, К. Ф. Толь, Нарышкин и многие остальные, либо, наконец, послы и граждане недружественных России держав, здесь это датский посол Розенкранц, английский посол Витворт.

Позитивно относились к императору либо люди, нашедшие к Павлу верный подход, это Н. А. Саблуков,⁵ А. Коцебу⁶ и прочие деятели, либо видевшие в Павле Петровиче, прежде всего, не грозного самодержца, а ранимого и романтического человека, это А. Ф. Ланжерон,⁷ Д. Х. Ливен,⁸ К. Гейкинг,⁹ А. Чарторыйский¹⁰ и немало иных современников государя, а также, конечно, и облагодетельствованные Павлом.

В целом современники закономерно руководствовались, прежде всего, личными воспоминаниями и ощущениями, которые у них связаны с правлением Павла I.

№ 18 812, № 18 859, № 18 892, № 18 921, № 18 940, № 19 046, № 19 070; Т. XXVI. – № 19 212, № 19 347, № 19 369, № 19 517, № 19 621, № 19 641, № 19 697, № 19 721, № 19 743.

¹ Наставление императрицы Елизаветы Петровны гр. Н. И. Панину о воспитании Великого Князя Павла Петровича – Русский архив, 1881. – Т. I. – С. 17-21.

² Катехизис Великого Князя Павла Петровича. – Русский архив, 1881. – Т. I. – С. 22-24.

³ Письма Цесаревича Павла Петровича к Московскому митрополиту Платону. – Русский Архив, 1887. – Т. V. – С. 5-48; Т. VI. – С. 162-170.

⁴ Вельяминов-Зернов А. Н. Записки // Цареубийство 11 марта 1801 года. – М., 1990.

⁵ Саблуков Н. А. Записки // Цареубийство 11 марта 1801 года. – М., 1990.

⁶ Коцебу А. История заговора // Цареубийство 11 марта 1801 года. – М., 1990

⁷ Ланжерон А. Ф. Записки // Цареубийство 11 марта 1801 года. – М., 1990

⁸ Ливен Д. Х. Записки // Цареубийство 11 марта 1801 года. – М., 1990.

⁹ Гейкинг К. Записки курляндского барона // Русская старина. – 1887. – Т. 56.

¹⁰ Убийство императора Павла. Рассказы современников. Из записок М. А. Фонвизина, А. Н. Вельяминова-Зернова, Н. А. Саблукова, А. Чарторыйского. Ред. П. Е. Щеглова. – Ростов н/Д, Б. г.

Б) Неопубликованные источники, использованные в работе, были выявлены в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного исторического архива (РГИА) и Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

Сведения, касающиеся формирования религиозной системы взглядов императора Павла, взяты нами по преимуществу из фондов **РГАДА** (ф. 1274 – Личный архив Паниных - Блудовых;¹ ф. 1375 – Личный архив Куракиных²), **Отдел рукописей РГБ** (ф. 222 – Личный архив Паниных;³ ф. 233 – Личный архив С. Д. Полторацкого;⁴ ф. 76 – Личный архив Ф. А. Голубинского;⁵ ф. 16 – Личный архив Я. Л. Барскова⁶).

Мероприятия, касающиеся религиозной политики императора Павла I в годы его царствования, были почерпнуты нами в фондах **РГИА** (ф. 796, оп. 77-82, ф. 797 – Архив Синода⁷).

Широкий круг использованных в настоящей работе архивных источников можно дополнительно подразделить на следующие группы:

1. Особую группу составляют документы личного характера, позволяющие проследить формирование религиозно-политических взглядов будущего императора. Значительная часть этой группы – документы государственных и общественных деятелей, родовые архивы.

Среди материалов личного происхождения наиболее значительная часть принадлежит документам фамильных фондов ведущих дворянских родов России, таких, как Палены, Панины. Документы личного характера (прежде всего, это письма) этих фондов содержат сведения, характеризующие процесс формирования религиозных взглядов Великого Князя Павла Петровича.

Были изучены документы из личных и родовых фондов центральных архивов государственных и общественных деятелей, ученых, деятелей литературы и искусства по истории общественной мысли, важнейших событий рубежа XVIII – XIX вв.

Особо следует отметить подлинники и списки письма Великого Князя Павла Петровича к митрополиту Платону, которые в силу доверительных отношения великого князя с его учителем позволяют проследить становление религиозного мировоззрения Павла Петровича.

Сведения, извлеченные из этих документов, дают обширный материал по изучению осуществления политических мероприятий в период правления Павла I, по подготовке законопроектов, касающихся положения духовенства и различных категорий верующих.

2. Данная группа источников помогает составить представление о разнообразных аспектах взаимоотношений императора, государственных органов и церковных структур с

¹ Российский государственный архив древних актов. – РГАДА. Ф. 1274.: Архив Паниных-Блудовых.

² Российский государственный архив древних актов. – РГАДА. Ф. 1375.: Архив Куракиных.

³ Российская государственная библиотека. – РГБ. Отдел рукописей. Ф. 222.: Панины.

⁴ Российская государственная библиотека. – РГБ. Отдел рукописей. Ф. 233.: Полторацкий С. Д.

⁵ Российская государственная библиотека. – РГБ. Отдел рукописей. Ф. 76/1.: Голубинский Ф. А.

⁶ Российская государственная библиотека. – РГБ. Отдел рукописей. Ф. 16.: Барсков Я. Л.

⁷ Российский государственный исторический архив. – РГИА. Ф. 796: Архив Синода. – Оп. 77. Д. 533, Д. 536, Д. 539, Д. 619, Д. 632; Оп. 78. Д. 41, Д. 71, Д. 105, Д. 158, Д. 171, Д. 174, Д. 188, Д. 198, Д. 210, Д. 240, Д. 313, Д. 446, Д. 561, Д. 587, Д. 600, Д. 604, Д. 606, Д. 664, Д. 724, Д. 736, Д. 777, Д. 814, Д. 875; Оп. 79. Д. 15, Д. 21, Д. 35, Д. 72, Д. 89, Д. 91, Д. 98, Д. 101, Д. 214, Д. 390, Д. 404, Д. 456, Д. 541, Д. 556, Д. 589, Д. 711, Д. 756, Д. 779, Д. 802, Д. 813, Д. 872, Д. 904, Д. 1033, Д. 1038, Д. 1043; Оп. 80. Д. 16, Д. 37, Д. 52, Д. 59, Д. 76, Д. 160, Д. 165, Д. 181, Д. 188, Д. 204, Д. 272, Д. 295, Д. 351, Д. 378, Д. 391, Д. 427, Д. 449, Д. 451, Д. 452, Д. 461, Д. 537, Д. 553, Д. 574, Д. 576, Д. 584, Д. 600, Д. 638, Д. 645, Д. 673, Д. 733, Д. 757, Д. 780, Д. 781, Д. 898, Д. 916; Оп. 82. Д. 16, Д. 64, Д. 84, Д. 95, Д. 108, Д. 149, Д. 152, Д. 182, Д. 202; Оп. 1. Д. 62/1537.

различными конфессиями. Её составила делопроизводственная документация правительственного и местного уровней.

В процессе исследований были выявлены документы по четырём тематическим подгруппам, которые представляют собой актовые и канцелярские источники (указы, рескрипты, реляции, деловые письма и проч.).

Первая – документы, отражающие взаимоотношения церкви и православного духовенства: доношения, исходящие от верующих, а также решения по ним как Синода, так и императора Павла I.

Вторая подгруппа документов касается взаимоотношений официальной православной церкви со старообрядцами. Большая часть документов по этой тематике – следствие обращений самих представителей старообрядчества к государю и в Синод, результатом которых являются приказы Синода и императора. Также отдельно в этой группе можно выделить обращения от губернских представителей официальной православной церкви, которые касались вопросов, связанных со старообрядцами, на рассмотрение и вынесение решения по ним Синода.

Третья подгруппа – документы, характеризующие взаимоотношения государства и представителей католического вероисповедания, проживающих в России. Это проекты переустройства территориального деления и соответственно подчинения Епархий. Отдельным пунктом здесь стоят документы о порядке браковенчания между представителями разных конфессий. К этому же разделу можно отнести и взаимоотношения православной церкви с Мальтийским Орденом.

В четвёртую подгруппу вошли документы, содержание которых выходит за рамки настоящего исследования, однако, позволяет рассмотреть мероприятия религиозной политики Павла I в комплексе. Это документы, отражающие взаимоотношения государства с иными религиозными течениями. К таким можно отнести Протестантизм и Ислам. Однако, данные документы в своей массе прежде всего просто регламентируют порядок присяги императору представителей данных вероисповеданий.

Теоретико-методологическая основой является системный подход, предусматривающий рассмотрение отдельных исторических феноменов в контексте эпохи. Термином «системный подход» принято обозначать группу методов, с помощью которых реальный объект может быть описан как совокупность взаимодействующих компонентов.

Системный подход предполагает применение обобщающих взаимосвязанных оценок, подходов и понятий, рассмотрение объекта или проблемы с учетом всей полноты и сложности их внутреннего строения, целостности, взаимодействия всех составляющих элементов.

Особое значение для данного исследования имеет то, что подобные методы развиваются в рамках как отдельных научных дисциплин, так и междисциплинарных синтезов. Рассмотрение в работе религиозной политики Павла I с учетом особенностей его религиозных взглядов, а, следовательно, и обращение к историко-философским, историко-религиозным вопросам обуславливает использование системного подхода.

При анализе источников были использованы традиционные для исторической науки принципы и методы: принципы историзма и объективности, методы сравнительно-исторического и комплексного анализа.

Принцип историзма понимается как необходимость восприятия фактов и событий в контексте конкретной исторической обстановки и, соответственно, специфики условий появления и функционирования исторических источников. Принцип объективности выражается в стремлении дать максимально всестороннюю оценку изучаемой проблеме.

Использование источников различного происхождения и работа с группами однородных источников обусловило использование сравнительно-исторического и комплексного методов анализа источников.

Новизна исследования состоит в том, что автор впервые рассматривает религиозную политику как самостоятельную часть политического курса Павла I. Это создало возможность провести более целостный теоретический анализ данной сферы его государственной деятельности.

В исследовании впервые сделана попытка рассмотрения религиозно-философских исканий императора Павла I в непосредственной связи с его политическими мероприятиями. Впервые рассмотрены вопросы преемственности религиозной политики Павла I.

- впервые проанализирована система религиозного мировоззрения Павла;
- впервые установлена степень влияния религиозных взглядов Павла I на его законодательскую деятельность в отношении религии и духовенства;
- впервые определено соотношение религиозной политики Павла с его законодательной деятельностью;
- рассмотрена религиозная политика Павла I как один из элементов социальной политики;
- определена результативность политики Павла I в отношении православия, старообрядчества, католицизма и униатства.

Теоретическая значимость диссертации состоит в осмыслении религиозной политики Павла I во взаимосвязи с социокультурными процессами российской модернизации конца XVIII – начала XIX веков.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в научных исследованиях по истории России конца XVIII – начала XIX веков, научных работах по истории религии и церкви, общих и специальных курсах отечественной истории и истории религии, биографических работах.

Апробация результатов исследования. Ключевые положения диссертационного исследования были изложены автором в пяти научных публикациях (Екатеринбург, 1999, 2000, 2001, 2002) и апробированы на конференциях: научной конференции «Германия-Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI-XX вв. (Екатеринбург, 1999), научно-практической конференции, посвящённой 60-летию исторического факультета УрГУ (Екатеринбург, 1999), региональной научной конференции «Вторые уральские военно-исторические чтения» (Екатеринбург, 2000), студенческой научно-практической конференции (Екатеринбург, 2000), IV-ых Татищевских чтениях (Екатеринбург, 2002).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, определяется методология и методы исследования, характеризуется объект и предмет исследования, его хронологические рамки, дан анализ историографии и источников, формулируются цели и задачи исследования, научная новизна и практическая значимость полученных результатов.

В **первой главе** – «Формирование и эволюция религиозного мировоззрения Павла I» – показаны этапы становления и развития системы религиозных взглядов императора, установлена взаимосвязь православной традиции и традиций западноевропейского религиозного рыцарства в его мировоззрении, а также влияние на его религиозно-философские убеждения философии масонов.

Первый параграф посвящён православной традиции в мировоззрении Павла I.

В начале анализируются факторы, влияющие на складывание взглядов Павла на религиозную составляющую в самодержавной политике, которые помогают разобраться в представлениях императора, лежащих в основе проводимой им религиозной политики. Отмечается эклектичность мировоззрения Павла I, складывающегося из нескольких, на первый взгляд, взаимоисключающих религиозно-философских оснований, разница лишь в том, какое религиозно-философское начало преобладало.

Подробно рассматривается православная традиция, которая доминировала в религиозной системе, сложившейся к началу правления Павла Петровича, что обуславливалось воспитанием православного царевича в православном государстве.

В связи с тем, что о формировании религиозных взглядов Павла можно говорить начиная с периода раннего детства, автор анализирует «Инструкцию обергофмейстеру при его императорском высочестве государе великом князе Павле Петровиче господину генерал-поручику, камергеру и кавалеру Никите Ивановичу Панину», составленную Елизаветой Петровной в 1761 году, когда великому князю было семь лет.

Особая роль в воспитании Павла Петровича принадлежит митрополиту Платону, которая важна с точки зрения не только православного воспитания юного цесаревича, но и знакомства его с русской православной философской традицией, где формируются представления о взаимоотношениях русского царя и церкви. Здесь очевидно прослеживается стремление Платона препятствовать общеполитическим процессам XVIII века, способствующим снижению роли и значению церкви как таковой.

Рассматривается изложение Платоном представлений, которые вполне традиционны для концепции царской власти, принятой еще в Московской Руси XVI века. В основе этих представлений лежит идея особого благочестия государя, а не идея особого положения монарха в церкви, как царя христиан.

Автор анализирует взгляды исследователей по этому вопросу. Приводится мнение историка церкви В. Саввы,¹ который отмечает, что русский народ, видя царя своего в церковно-гражданских обрядах, скорее видел глубину его смирения, чем высоту его сана. Автор полагает необходимым отметить здесь, что, несмотря на то, что на практике российские монархи не всегда соответствовали образу «смиренного» государя, и взаимоотношения московских царей с церковью не всегда были идеалистическими, идеологическое обоснование древнерусской модели царской власти оставалось неизменным.

Далее автор рассматривает концепцию И. А. Ильина,² которая также представляет интерес при изучении формирования представлений Павла о роли православного монарха в России, о доверии народа к монарху, о его религиозности и особом правосознании, которые традиционно имели гораздо большее значение, чем личная святость и высокая нравственность монарха. Религиозность эта должна была находиться в теснейшей связи с его государственным правосознанием; религиозность монарха всегда воспринималась как источник его государственного вдохновения и гарантия его; а правосознание государя являлось одним из проявлений его религиозного верования. О такой «единоисповедности» монарха и народа и пишет И. А. Ильин. Применительно к царствованию Павла автор выявляет особую идеологическую направленность атрибутики ритуалов, которая проявилась в момент коронации Павла I.

Автор подчёркивает, что государственное правосознание государя, по сути, традиционно определялось его религиозностью, «контролируемой» церковью, следовательно «первосвященность» царя была просто невозможна и не могла быть внушена ему его духовным наставником.

¹ Савва В. Московские цари и византийские василевсы. – Харьков, 1901.

² Ильин И. А. О монархии и республике. // ВФ – 1991. – № 4. – С. 107-151.

Великий князь Павел Петрович усваивает понимание службы царю, как службы – «истинной и для православного единственно возможной». Позже, став императором, именно этот, традиционно-православный принцип он будет претворять в жизнь.

Особое место в традиционно-православных представлениях Павла во взаимоотношениях государя и церкви занимает византийское влияние на формирование этих представлений.

Автор полагает, что особая миссия царя, как божьего избранника, призванного хранить и защищать православные традиции, явно была воспринята Павлом из теории особой исторической роли «третьего Рима», как центра различных христианских царств. Известно, что во время первоначального обучения великий князь знакомится с работами Московских книжников XV-XVI вв. и с взглядами на государство и роль монарха, прежде всего, старца Елизарова монастыря Филофея.

Возвращением к традиционной, византийско-самодержавной модели власти можно считать вступление на престол и коронацию Павла I. Доказательством особого отношения Павла к этому обряду служит и описание облачения императора в момент его венчания на царство. Он, помимо порфиры и короны, облачается поверх мундира в далматик, который был принадлежностью древнего царского одеяния при венчании на царство и символизировал архиерейское облачение – саккос. Далматик означал и священный сан Павла, и его всемирные, мессианские, притязания, поскольку на иконах Христос, как царь и великий иерарх, изображался именно в далматике. Известно, что во время литургии Павел неоднократно снимал с себя корону – в те моменты, когда архиерею надлежит снимать митру.

При всей важности влияния традиционно-православных представлений на Павла, он не пытался вернуть уничтоженный Петром I институт патриаршества, более того, объявив себя главою церкви, закрепил юридически то, что фактически сделал Петр I.

Автор подвергает сомнению правомочность рассмотрения противоречия в отношении Павла к традиционной роли христианства и в стремлении подчинить церковь императорской власти. Скорее, более корректно было бы говорить о попытках Павла органично совместить традиционные православные представления о роли царской власти и современные Павлу политические тенденции усиления зависимости церкви от императорской власти, когда церковь становится лишь институтом этой самой власти.

В целом автор, анализируя полученное Павлом, благодаря Платону, христианско-православное воспитание, отмечает несколько основных моментов.

Во-первых, по-видимому, в сознании Павла Петровича одновременно уживалось и традиционно-православное мировоззрение, свойственное большинству русских людей того времени, и особое мистически-экзальтированное восприятие религии, свойственное личности будущего императора. Во-вторых, основываясь на общехристианских догматах и на православных (византийских и древнерусских) представлениях о значимости монарха, Павел выстраивает и предпринимает попытки исторически обосновать свою идею о «первосвященной» роли императора. Эти идеи в дальнейшем весьма причудливо переплетутся у Павла с масонскими и рыцарскими представлениями о значении монаршей власти.

Второй параграф посвящён влиянию философии масонов на мировоззрение Павла I.

Масонство занимает особое место в общем потоке христианского обновления на рубеже XVIII-XIX веков, как специфическая форма христианской религиозности.

Автор полагает необходимым учитывать, что все эти искания происходят в период становления взглядов молодого Павла и в непосредственной близости от него. Достаточно вспомнить, что учитель Павла Н. И. Панин был масоном. Особую роль Н. И. Панина в

воспитании и формировании личности будущего императора отмечают практически все биографы Павла.

Автор подчёркивает, что достоверных архивных свидетельств о вступлении великого князя Павла Петровича в орден вольных каменщиков на сегодняшний день нет, тем не менее, влияние философии масонства на Павла общепризнанно, поэтому автор считает целесообразным остановиться более подробно на основных вехах истории русского масонства в XVIII веке. Также рассматриваются философские и политические воззрения масонов для выяснения тех аспектов масонского учения, которые оказали влияние на мировоззрение будущего императора, а позже проявились в его политических мероприятиях.

Масонство, будучи одним из внутрихристианских течений, направленных на обновление церкви, имело, наряду с собственными отличительными чертами, ряд общих признаков с другими течениями. Это, во-первых, усиление по сравнению с ортодоксальным христианством религиозно-антропоцентрических моментов, упор на личное духовное возрождение. Во-вторых, подчеркивание необходимости обретения личностью «благодати» независимо от посредства церкви. В-третьих, масонству, так же, как и другим подобным движениям, зародившимся в Западной Европе, присуще иррациональное убеждение в возможности достижения человеком совершенного состояния, бесконечно близкого евангельскому идеалу.

Очевидно, что Павла привлекал в масонстве не только ритуал или личные симпатии к отдельным представителям масонства, хотя и этот аспект нельзя сбрасывать со счетов. Приобщение цесаревича к чтению масонских мистических книг способствовало тому, что Павел весьма активно интересовался теоретической стороной масонства.

Вполне соответствует устремлениям Павла идея о том, что истинный царь, как декларирует масонская литература, не должен быть государем светским, каковым он предстает в политической практике России XVIII века. Обладая высшими добродетелями и наставленный истинной «внутренней» церковью, государь подчиняет себе церковь «внешнюю», т. е. официальную.

Автор останавливается на некоторых оценках влияния, которое оказало масонство на будущего императора. Выше уже отмечалось, что до сегодняшнего дня разброс мнений исследователей правления Павла I относительно серьезности и концептуальной целостности политических мероприятий императора очень широк, и характеристика его отношений с масонами в этом смысле очень показательна. Можно даже сказать, что оценка степени серьезности увлечения Павла масонством различными исследователями напрямую связана с оценкой его религиозной политики вообще.

Автор рассматривает интерпретации взаимоотношений Павла с масонами Г. И. Чулкова, который, исходя из версии о безумии императора, утверждает, что масоны манипулировали царственным сумасшедшим и использовали его в своих целях,¹ Б. Башилова,² который строит свою теорию на тех фактах, что масоны окружали Людовика Шестнадцатого, масоном был кумир Павла Фридрих II и, наконец, собственный его воспитатель Никита Панин. Б. Башилов высказывает предположение, правда, не подтверждённое источниками, что в 1784 году Павел вступил в ложу, подчиняющаяся сенатору Елагину, что оценивает как катастрофу, постигшую наследника. Автор упоминает и исследователей, рассматривающих влияние масонских идей на Павла более глубоко, например, Вс. Сахаров,³ также, как и Б. Башилов считает, что Павел был введён в ложу, но во время путешествия по Европе. Более ориентируясь на политический аспект

¹ Чулков Г. И. Императоры. Психологические портреты. – М., 1991.

² Башилов Б. История русского масонства. Вып. 1-17. – М., 1992-1995.

³ Сахаров В. Калигулы последний час. Император Павел I и вольные каменщики // Родина. – 1997. – № 7. – С. 38-41.

отношений Павла с масонами, Вс. Сахаров смело заявляет о том, что масонство сделало стратегическую ставку на цесаревича в своей борьбе за власть с его умной и осторожной матерью, и, в конце концов, это погубило не только орден, но и самого императора. Автор ставит под сомнение такое утверждение, которое вряд ли имело под собой основание, по крайней мере, нет документальных подтверждений стремления Павла использовать масонство в борьбе против Екатерины или осознанно участвовать в политических играх масонов.

Г. В. Вернадский полагает, что вопрос о принадлежности Павла к масонству остается не до конца проясненным, так как отсутствуют документальные свидетельства о его вступлении в какую-либо из масонских лож. Но большинство исследователей, описывая богатую фактами историю взаимоотношений цесаревича с масонами, склоняются к мысли, что по всему складу своей натуры, моральным устоям и характеру умственных интересов Павел, с его глубокой религиозностью, романтическим пристрастием к средневековому рыцарству, душевной экзальтированностью, не мог не принимать близко к сердцу духовно-нравственных исканий масонства и мистических настроений его идеологов.

Для автора вполне естественно, что Павлу с его стремлением к максимальной централизации самодержавной власти и притязаниями на роль главы всего христианского мира был близок и интересен образ библейского «царя-первосвященника», имеющий основания в традиционных православных представлениях и позже актуализированный масонами.

Миссия государя, как главы «воюющей церкви», о которой говорили масоны, вполне сочеталась с тем, как осознавал Павел свою собственную миссию царя-восстановителя истинно религиозных начал.

Таким образом, с полной уверенностью автор говорит о том, что религиозные и философские воззрения русского масонства в системе религиозных взглядов Павла не только занимали существенное место, но и весьма успешно сочетались с другими элементами этой системы и органично составляли единое целое.

Третий параграф посвящён идее рыцарства в системе религиозных взглядов Павла I.

Автор полагает, что одной из важнейших составляющих тех мировоззренческих основ, на которых выстраивалась политика Павла (не только религиозная, но и социальная), было его отношение к рыцарству и к католическим рыцарским орденам. Конечно же, самой известной является история взаимоотношений Павла с одним из рыцарских орденов.

По мнению автора, отношение Павла к Мальтийскому ордену традиционно рассматривалось исследователями как проявление одного из чудачеств императора, к которому он был склонен ещё задолго до воцарения на престоле.

Автор особо подчёркивает, что благодаря запискам С. А. Порошина¹ известно, что в десятилетнем возрасте великий князь читает много и с удовольствием. Будучи ответственным воспитателем и образованным человеком С. А. Порошин приобщает царевича к чтению. Можно сказать, что благодаря наставнику у Павла сформировался образ идеального рыцаря и стремление соответствовать ему. С. А. Порошин впервые знакомит Павла с рыцарскими организациями, читая с ним «Историю об ордене Мальтийских кавалеров».

¹ Порошин С. А. Записки, служащие к истории его императорского Высочества благоверного государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича. – Изд. 2-е, испр. и значит. доп. по рукописям, принадлежащих его императ. Высочеству государю Великому Князю Константину Николаевичу и по др. рукописям. – СПб., 1881.

В последующие годы, уже самостоятельно, Павел, анализируя прочитанное, формирует некую романтическую идею рыцарства и рыцарей, объединенных в романтизированный «дворянский корпус».

На основе этой идеи Павел I стремится сконструировать романтизированную модель государственного устройства, основанную на рыцарско-христианских идеях. Объявив об этом при коронации, впоследствии Павел развивает свои планы, которые становятся все более грандиозными.

С точки зрения автора, воплощение своих планов император связывает с «благородным» дворянством, которое еще предстоит воспитать. Автор подчёркивает, что для Павла было очень важно, чтобы дворянство не только считалось высшим и благородным сословием, а было таковым на деле. Этой цели Павел пытается достичь, в том числе, и с помощью идеи рыцарского ордена, с помощью Мальтийского рыцарства.

Русский государь становится 71-м великим магистром Мальтийского ордена, целью которого во времена возникновения и расцвета была защита Гроба Господня от неверных.

В своей работе автор рассматривает основные вехи истории самого Мальтийского ордена, так же рассматриваются и взаимоотношения императора Павла с ним. Автор подчёркивает, что идеи рыцарства, сформировавшиеся в сознании великого князя, позже воплотились в политике императора. Рыцарская направленность присутствует как во внешнеполитических, так и во внутривнутриполитических мероприятиях Павла.

Павел I начинает конструировать рыцарскую модель практически с момента своего вступления на престол. Обращение к рыцарству мальтийского образца отвечало устремлениям Павла и в вопросе придания священного характера царской власти, обоснования божественного происхождения верховной власти православной религии и церкви.

Автор особо отмечает, что Павел I, исходя из своих индивидуальных религиозно-нравственных и культурно-исторических понятий и пристрастий, обратился к средневековому рыцарству с его репутацией благородства, бескорыстия, беспорочной службы, чести и других положительных качеств, для того, чтобы реализовать рыцарскую модель в конкретных условиях России рубежа XVIII-XIX веков, не всегда эти конкретные условия учитывая.

Показательна с точки зрения автора в этом контексте идея Павла создать русский вариант Мальтийского ордена, как дополнительную иерархию внутри русской армии и церкви, которая одновременно являлась бы образцом как армии и церкви, так была бы и моделью государства. Создавая орден в России, Павел в манифесте «Об установлении в пользу Российского дворянства ордена Святого Иоанна Иерусалимского»,¹ подчеркивает значение ордена как сословного института призванного возродить лучшие качества дворянского сословия. Павел I подписывает манифест 29 ноября 1798 года, а через несколько месяцев, 15 февраля 1799 года высочайше утверждаются «Правила для принятия дворянства Российской империи в орден Св. Иоанна Иерусалимского». По духу эти правила практически тождественны правилам, сложившимся в европейском Мальтийском ордене в средневековый период и сохраняют условие принятия в орден только потомственных дворян.

Мальтийский орден и сама идея рыцарства, воплощаемая Павлом, удачно сочетали в себе устремления Павла объединения светского и религиозного начал под предводительством монарха, пекущегося о духовном благополучии своих подданных. Наличие рыцарской доминанты объясняет повышенную знаковость государственного и общественного устройства царствования Павла I. Это, прежде всего, неукоснительное

¹ Российский государственный исторический архив. – РГИА. Ф. 796.: Архив Синода. – Оп. 79. Д. 1033. С объявлением высочайшего повеления о включении в императорский титул принятого его величества титула Великого Магистра Ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

внимание к четкой регламентации публичных и частных отношений, в том числе особая роль этикета, строго соблюдаемая при дворе и в армии, иерархии почестей, эмблемы, цвета, жесты и прочее. Ведь именно насаждение непонятных символов и ритуалов столь недоброжелательно воспринималось современниками и в значительной мере спровоцировало мнение как о спонтанности мероприятий павловского правления, так и о сумасшествии самого императора.

Павел воплощал мечты о западноевропейском средневековье, парадоксальным образом вплетая их в социально-политические условия российских реалий.

Автор уверен, что у Павла была своя политическая программа, но подвергающаяся постоянным изменениям. Император часто действовал импульсивно, мгновенно реагируя на ситуацию, но при этом всегда имелся в виду некоторый идеал, который Павел создал себе из нескольких, часто противоречащих друг другу религиозно-философских начал.

Павел I верно оценивал многие насущные политические и социальные задачи Российского государства, такие как укрепление центральной власти, ограничение дворянского произвола и возрождение благородного сословия в том виде, в котором оно задумывалось Петром I, улучшение положения крепостных, повышение авторитета России на европейской арене и утверждение России как самостоятельной силы в международной политике. Однако император смотрел на эти задачи через призму несколько романтической веры в благотворность ценностей, сложившихся в рыцарские времена.

В завершение рассмотрения основных аспектов религиозного мировоззрения Павла, автор отмечает, что сформировавшиеся еще до начала царствования великого князя религиозные взгляды нашли отражение в конкретном содержании религиозной политики императора Павла I. Противоречивость и некая эклектичность взглядов породила и противоречивость и эклектичность религиозной политики.

Во второй главе – «Религиозная политика Павла I» – рассмотрены вопросы положения православного духовенства, вопросы высшего церковного управления, образования священников, экономические аспекты, права и обязанности священнослужителей в годы правления императора Павла, а также его политика в отношении старообрядчества и католицизма.

Первый параграф посвящён положению православного духовенства при Павле.

Рассмотрение особенностей положения православного духовенства в правление Павла I стоит начать с анализа взглядов историков на эту проблему, которая если и не являлась предметом отдельных исследований, то часто затрагивалась при рассмотрении общих направлений павловской социальной политики.

Само православное духовенство, учитывая большую, по сравнению с Екатериной II, религиозность Павла, возлагало на нового императора определенные надежды, которые в целом были оправданы, хотя и без получения духовенством привилегии и самостоятельности, на которое, казалось бы, они могли рассчитывать.

В церковной политике Павла традиционно, как и при его предшественниках, можно выделить несколько основных направлений: высшее церковное управление, духовное образование, экономика церкви, права и обязанности духовенства.

Рассмотрено положение православного духовенства при Павле I: изменение взаимоотношений церкви и государства в России в период правления Павла I происходило в русле социальной интеграции, доминирующей формой которой была государственность, задающая единый для российского общества порядок формирования норм и ценностей. Именно принцип доминирования государства, развивающийся в течение всего XVIII века сохранился и в правление Павла I. Однако, при Павле значительно усилилась тенденция власти использовать свое влияние не против церкви, а ради ее развития в соответствии с ее предназначением как идеологического института, функционирующего в интересах государства. Православная церковь обязывалась выполнять некоторые несвойственные ей

ранее функции, но, развиваясь под сенью государства и пользуясь поддержкой государства, церковь имела огромные возможности для расширения своего влияния.

Официальная идеология правления Павла I, находясь в русле общих тенденций модернизации взаимоотношений церкви и государства XVIII столетия, тем не менее, была склонна развивать модернизацию, хотя и не всегда традиционными для российских императоров методами.

Отход от традиционных христианских начал в решении социальных вопросов наметился с распространением рационалистических идей, главным образом, в екатерининскую эпоху, когда социальными вопросами занялись люди светские, как правило, исходящие в своих теоретических построениях не столько из традиционных для России, христианских начал, сколько из независимого от прежних авторитетов Разума, утвержденного эпохой Просвещения.

По мнению автора, при Павле отход от традиций имел все возможности если не прекратиться, то, по крайней мере, замедлиться. Император выстраивал официальную идеологию с явной опорой на традиционные правила личного и церковного благочестия. Русская православная церковь как общественный институт по своей природе склонный к консерватизму и охранительству, вполне отвечала устремлениям императора, однако не почувствовав всей важности включения модернизационных элементов, сопротивляясь некоторым мероприятиям религиозной политики Павла, она опять оказалась под давящим контролем государства.

Второй параграф посвящён религиозной политике в отношении старообрядчества.

В качестве особой заслуги Павла автор представляет решение крайне важной для религиозной политики XVIII века проблемы взаимоотношений со старообрядцами. Эта проблема для России традиционно проявлялась в двух аспектах: первый был связан с вопросом чистоты православной веры, а другой в силу довольно значительного процента населения империи относящегося к приверженцам «старой веры» проявлялся как составная часть социальной политики.

Отношения российской государственной власти со старообрядцами к началу правления Павла I уже имели более чем вековую историю. С началом синодального периода в истории русской православной церкви проблема старообрядчества в ещё большей степени стала зависеть от общей политической направленности того или иного царствования. Особенно ярко эта зависимость проявилась в правление Екатерины II, но гуманность по отношению к различным вероисповеданиям императрицы основывалась на философском безверии, на отрицании особого смысла и значения вероисповеданий. Екатерина, решая задачи социально-политические, в старообрядцах видела, прежде всего, категорию подданных.

Автор подчёркивает, что подходы Павла к решению старообрядческой проблемы кардинально отличались от подхода к этому вопросу его матери. В отличие от рационалистического подхода Екатерины, он видел в старообрядчестве реально существующую часть общества, имеющую свои собственные побуждения и задачи, с которыми так или иначе необходимо считаться. Действительно, к концу XVIII века старообрядчество было достаточно многочисленным, расселившимся на значительной территории Российской империи и за ее пределами.

К рассматриваемому автором периоду старообрядчество не было однородным. В XVIII веке формируется два главных направления в старообрядчестве – поповское (беглопоповское) и беспоповское, которые продолжают дробиться на различные мелкие объединения.

Можно сказать, что эпоха правления Павла была в большой степени благоприятным периодом для глубокого и серьезного решения старообрядческой проблемы, существовавшей к тому времени более века. Решение этого вопроса в правление императора Павла I является наиболее показательным.

В связи с этим упоминаются документы (доношения и рапорты) о приведении к присяге императору Павлу I, к которой допускались и «раскольники», разрешения иметь церковь и священников, «и причетники для богослужения по старопечатным книгам, так и исправление всех треб по домам, почином и обрядам древним», полученные нижегородскими старообрядцами, были предоставлены старообрядцам Саратовской, Тверской, Казанской губерний, Таврической области, раскольникам Иркутска, Пермской губернии.

Примечательным представляется тот факт, что в самом именном указе ни о каком «соединении их с истинною православною церковью» речи не идёт. Естественно, не стоит предполагать, что Павел стремился лишь создать условия максимального благоприятствования для старообрядцев. Желание сблизить их положение, насколько это было возможно на тот период российской истории, было продиктовано, прежде всего, имперскими интересами, а идея соединения церквей и различных течений у Павла предполагала сохранение значительной степени их самостоятельности.

Мероприятия Павла в отношении старообрядчества нельзя охарактеризовать как вполне ясные и определённые, однако, именно при нём старообрядчество перестало признаваться преступным с государственной точки зрения в большей степени, и в меньшей степени с точки зрения церковной, хотя церковь сохранила отношение к старообрядческой вере как к вере невежд. С позиций официальной православной церкви старообрядчество относилось к невежественным преступникам, возмущавшим народную мысль и вынашивающим всяческие преступные замыслы.

Политика императора Павла I по отношению к старообрядцам в большой степени зависела от взглядов на проблему расколичества высших чинов русской православной церкви. Связано это с тем, что все мероприятия государства в отношении старообрядцев тем или иным образом были увязаны с деятельностью православных иерархов. Так как суть разногласий носила изначально религиозный характер, следовательно, и решаться проблема могла не политическими, а религиозными средствами, где государство даже в период подчинения ему церкви не было независимо от неё. В связи с этим особое внимание автор уделяет на взгляды иерархов русской православной церкви на проблему старообрядчества.

Но отношение к старообрядчеству всех представителей господствующего исповедания, епископов и отдельных лиц, не представляется твердо определенными и устойчивым. Зачастую старообрядцы казались чуть ли не врагами христианства, с другой стороны они воспринимались как наиболее глубоко верующая и преданная истинной вере часть единого православия.

Эта неопределенность сказывается иногда в мероприятиях Синода и правительства.

27 октября 1800 г. Император Павел I утвердил правила для «московских раскольников»,¹ которые явились новым шагом на пути примирения Русской Православной церкви и старообрядчества. Таким образом, царь окончательно санкционирует систему, обязывающую старообрядцев принять поставленных от православной церкви священников, а те в свою очередь должны служить «раскольникам» по старым книгам и соблюдать старые обряды.

Третий параграф посвящён политике Павла I в отношении католицизма.

¹ ПСЗ. Т. XXVI. – № 19 621. – СПб., 1830. – С. 357

Автор вновь подчеркивает особую взаимосвязь политики и религии, обуславливающуюся традициями, сложившимися в России на протяжении многих веков. Имперский период еще более усилил религиозную составляющую политических мероприятий, создав особый вариант имперской христианской веротерпимости.

Таким образом, как и в рассмотренных выше аспектах религиозной политики, в политических мероприятиях, связанных с католиками и католической церковью, Павел выступает во многом как продолжатель политики своих предшественников. Павел, несомненно, отношения России с католическим миром рассматривал не всегда традиционно, но, тем не менее, руководствовался, прежде всего, интересами государственной политики, доказательством чему служит «Рескрипт Павла I полномочному министру в Константинополе Кочубею о принципах русской внешней политики».¹

Павел имел устойчивые симпатии к римско-католической церкви, видя в ней союзника в борьбе против безбожия и прочих разрушительных сил, обрушившихся, по его мнению, на Европу, наисерьезнейшей из которых была французская революция.

Однако, автор подчёркивает, что говоря о Павле I как о продолжателе политической традиции, необходимо помнить, что подходы Павла к решению религиозно-политических проблем не отличались рационализмом, свойственным Петру I или Екатерине II. Павел придерживался мистической концепции своей царской роли, что сказалось и на выбираемых им вариантах взаимоотношений с представителями католической веры.

Применительно к павловской политике в отношении католичества можно выделить несколько основных направлений, так или иначе относящихся либо к внешнеполитическим (отношения с Римской католической церковью, с Мальтийским орденом), либо к внутриполитическим (проблема католиков и униатов, рыцарско-католические ордена в России).

Расширение территории Российской империи за счет присоединения западных территорий естественным образом значительно увеличило число католиков являющихся подданными российской короны. Урегулирование религиозных вопросов, предпринимаемое Екатериной II, во многом рассматривалось предшественницей Павла, как составляющая часть национальной политики, которая в той или иной мере всегда была актуальной для России. Павел проблему католиков в России рассматривал, в отличие от Екатерины, исходя из присвоенного им же самим титула главы церкви, а, следовательно, предполагал решить эту проблему не политическим, а религиозным путем.

С одной стороны, позиция Павла по отношению к католикам, проживающим в России, определялась законодательством, которое, покровительствуя, естественно предполагало подчинение, то есть Павел расширил свойственную ему мелочную регламентацию и на эту категорию населения. С другой стороны, и в этом вопросе Павел проявляет свое стремление быть главой не только светским, но и церковным.

На основании изученных документов автор приходит к выводу, что тенденции регламентации, свойственные политике Павла в целом, проявляются и в политических мероприятиях по отношению к католическому населению империи, которые еще более усугубляются претензиями императора на роль главы церкви.

Особое отношение Павла к ритуалу, к традиции, требование соблюдения законов, тем не менее, не превратилось ни в насилие в вопросах веры, которое Павел осуждал

¹ Российский государственный архив древних актов. – РГАДА. Ф. 1274.: Архив Паниных-Блудовых. – Оп. 1, Ч. 1. Д. 766

подобно Петру III, ни в чрезмерное потакание католикам и стремление подчинить Россию папе, в чем иногда Павла обвиняли. На этом основании невозможно делать вывод об особом отношении государя к католичеству, и уж тем более об его стремлении подчинить Россию папе.

Отношения с Римским Папой были достаточно существенным аспектом внешней политики Павла I. В лице Папы русский император видел союзника против революционной Франции. Необходимо отметить, что Павел, ещё будучи наследником, совершил путешествие в Рим, где встречался с Папой Пием VI. Павел вел переписку со сменившим Пия VI Пием VII, которая была весьма дружелюбной и доверительной.

Автор полагает, что эти взаимоотношения невозможно осмыслить без учета особенностей религиозных взглядов Павла Петровича, которые находят выражение в проекте соединения церквей, позволяющем, по мнению его автора, решить многие религиозные проблемы как внутри России, так и за ее пределами.

Проект объединения церквей Павла I по существу отличается от прежних вариантов идеи объединения церквей, воспринимаемых как объединение церковных институтов, унификация обрядов и тому подобное. Но Павел никогда не стремился к такому объединению. Он вообще старался не затрагивать вопросы догматического и канонического характера, а лишь стремился к возрождению рыцарства и сохранению основ старого мира, которые были основательно поколеблены общими усилиями всех христиан – православных, католиков и протестантов.

Павел отказался от применения насилия, и принуждения при обращении украинских и белорусских униатов в православие. В отличие от Екатерины Павел более «уважал традиционные структуры на окраине империи» и не проявил такого стремления к гомогенизации и унификации государства, как Екатерина, чем, по мнению Ю. А. Сорокина, безусловно, укрепил империю.¹

Павел I выстраивал политику по отношению к подданным различного вероисповедания, воспринимая себя как российского христианского самодержца. Теократические и объединительные идеи Павла особенно явно проявились в его отношении к рыцарским орденам. «Рыцарский орден, сближающий воина и священника, был находкой для Павла, который ещё до Мальтийского гроссмейстерства соединил власть светскую и духовную».²

Павел проявил большое упорство, непонятное для большинства его современников, в воплощении в жизнь средневековых рыцарских идей. Одной из таких идей было издание «Гербовика дворянских родов Российской империи» или учреждения Капитула Российских орденов.

Можно целиком и полностью согласиться с А. В. Скоробогатовым, который замечает, что в числе указов, изданных им в день коронации и призванных стать фундаментальными законами,³ было «Уставление для орденов российских». Возвышенная риторика начальных фраз напоминает о славе рыцарской традиции, но при этом Павел I смешивал средневековое значение рыцарских орденов с их позднейшей

¹ Сорокин Ю. А. Византийские традиции в русском самодержавии // Выдающиеся государственные деятели России XVIII-XX вв. – Омск, 1996. – С. 8-18.

² Эйдельман Указ. соч. – С. 79

³ Скоробогатов А. В. Коронация императора Павла I: символы и традиции [Электронный ресурс] // Два века: журнал российской истории XVIII-XIX столетий. – № 8. / Археографическая комиссия РАН. – Электрон. дан (1 файл). – [Http://www.dvaveka.pp.ru/index.htm?nomer8.htm](http://www.dvaveka.pp.ru/index.htm?nomer8.htm)

функцией награды за службу абсолютному монарху. Ордена должны были превратить службу дворянина государству в христианскую службу императору как первосвященнику и монарху.

Кроме уже сказанного о формуле «государь – глава церкви» автор упоминает о контактах российского царя с иезуитами, которые играли важную роль в определении положения католиков при Павле.

Позиция Павла по отношению к иезуитам в целом мало чем отличалась от позиции по отношению к Мальтийскому ордену. В рыцарских орденах Павла привлекала возможность соединить все дворянство Европы и образовать на базе этих орденов такой военный институт в Европе, который бы был сосредоточением всего благородного дворянства и главная цель которого состояла бы в поддержании европейских монархий «и разрушении зловредных начал французской революции».

Иезуиты при Павле в основном предпочитали оставаться тайными и выступали в тени Мальтийского ордена. Однако, даже в последний период царствования Павла, неблагоприятный для эмигрантов, иезуиты как уже находящиеся в России, так и прибывающие получали большие возможности.

В завершении рассмотрения взаимоотношений Павла с католической церковью автор отмечает, что достаточно благожелательное отношение к католицизму во многом было связано со стремлением императора максимально оградить Россию от влияния революционных идей. Союзник в лице Римской католической церкви представлялся Павлу достаточно надежным. Натянутые отношения России с Францией и отсутствие надежного военного союзника в Европе требовали от Павла сближения с католицизмом, так как только католическая церковь могла противостоять распространению революционных настроений в Европе. О подобном отношении говорят такие факты, как предложение Папе Римскому переселиться в Россию, содействие устройству в России иезуитского ордена, поддержка учреждения в здании Пажеского корпуса в Санкт-Петербурге римско-католической капеллы.

В заключение автор говорит, что причина такого отношения кроется не только во внешнеполитической ситуации и даже не столько в амбициях Павла, стремившегося стать и главой православия, и защитником всего христианства, но и является проявлением одного из принципиально новых подходов к решению религиозного вопроса, являющегося одним из важнейших в структуре социальной политики рассматриваемого периода.

В заключении подведены основные итоги исследования, сформулированы выводы. Результаты, заключающие в себе научную новизну, могут быть сформулированы в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Формирование системы религиозных взглядов и воплощение их в политических мероприятиях Павла I проходило в тесной взаимосвязи с модернизационными процессами различных сторон жизни общества конца XVIII века, включая один из влиятельнейших институтов – церковь. Перемена в статусе церкви, изменение ее роли в обществе являлось одним из основных атрибутов модернизации. Модернизация общества теснейшим образом связана с подрывом позиций церкви, ослаблением ее воздействия на все стороны жизни общества и личности, существенным освобождением от влияния церкви общественной жизни.

2. Традиционность церкви как института определяла подходы к ее реформированию, которые выступали как поиск компромисса между модернизационными тенденциями государства и традициями церкви. При Павле поиск такого компромисса осуществлялся не столько с позиций превалирования имперских интересов, а, следовательно, ущемления религиозных интересов какой-либо части подданных. Традиционность церковных институтов при Павле стала одним из составляющих

модернизации, стала частью идеологической доктрины, призванной сплотить общество и тем самым способствовать успешности модернизационных процессов.

3. Церковь, с одной стороны, теряя всеохватное воздействие на жизнь общества, с другой, приобрела даже большее значение, чем в предшествующий период. Непоследовательный в конкретных вопросах какой-либо продуманной системы управления и законодательства, император Павел вполне обдуманно шел навстречу неизбежным назревающим реформам. Официальная православная церковь, прожившая XVIII век под давлением неограниченной монархии, тоже, несмотря на сохранение подчиненности государству и даже увеличение регламентации со стороны монарха, смогла не только укрепить свое положение, но и идеологически оправдать реформаторские тенденции нового правления.

В целом в период недолгого правления Павла несколько поутихло религиозное противостояние в России, начавшееся ещё при Петре I.

4. Система религиозных взглядов Павла I представляет собой комплекс традиционно православных, византийских и католических элементов, которые явились основой концепции павловской религиозной политики. Религиозно-философская концепция Павла I основывается на традиционно-православном мировоззрении, свойственном большинству русских людей того времени, и на особой религиозности, свойственной личности императора. Павел выстраивает и предпринимает попытки исторически обосновать свою идею о «первосвященной» роли императора, кареллирующей у Павла с масонскими и рыцарскими представлениями о значении монаршей власти.

5. У Павла была своя политическая программа, но подвергающаяся постоянным изменениям. Император часто действовал импульсивно, мгновенно реагируя на ситуацию. Но при этом всегда имелся в виду некоторый идеал, который Павел создал себе из нескольких, часто противоречащих друг другу религиозно-философских начал. Официальная идеология правления Павла I находилась в русле общих модернизационных тенденций эпохи, но тяготела к развитию модернизационных процессов не всегда традиционными для российских реалий методами.

6. Сформировавшиеся еще до начала царствования великого князя религиозные взгляды нашли отражение в конкретном содержании религиозной политики императора Павла I, которая проводилась в русле общей направленности внутренней и внешней политики императора и одновременно прозвана была решать внутриконфессиональные, межконфессиональные проблемы, обостряющиеся в условиях многонационального характера Российской империи и особенностей внешнеполитической ситуации.

Основные положения диссертации изложены автором в следующих публикациях:

1. Григорьев С. Л. Немцы в России в годы правления Павла I. // Немцы на Урале и в Сибири (XVI-XX вв.). Материалы научной конференции «Германия-Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI-XX вв. (03-05.09.1999). – Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2001. – С. 488-498.

2. Григорьев С. Л. Оценки правления Павла I в мемуарной литературе. // Орёл шестого легиона: Тез. докл. студ. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию ист. фак. УрГУ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 43-46.

3. Григорьев С. Л. Павел I и армия в оценках современников. // Вторые уральские военно-исторические чтения: Материалы регион. науч. конф. – Екатеринбург, 2000. – С. 16-17.

4. Григорьев С. Л. Политика Павла I в отношении старообрядчества. // IV-ые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 18-19 апреля 2002 года. – Екатеринбург: «Банк культурной информации», 2002. – С. 156-157.

5. Григорьев С. Л. События 11 марта 1801 года в записках современников и трудах дореволюционных историков. // Орёл шестого легиона: Тез. докл. студ. науч.-практ. конф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 60-62.